
**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.П. ПЛАТОНОВА
И СЕМАНТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ
(А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье»)**

Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, Москва, Россия, 119992

В статье рассматривается актуальный для современной русской литературы вопрос эстетической преемственности и развития традиций отечественной прозы советского периода в произведениях 2010-х гг.: романах А.Н. Варламова «Мысленный волк» и А.В. Иванова «Ненастье», которые научно анализируются впервые. Для указанных текстов характерно обращение к ключевым мотивам и философским идеям, высказанным А.П. Платоновым, — проблеме духовного сиротства и поисков его преодоления, необходимости социального и нравственного преобразования общества, переживающего революционные потрясения. Выводы: современные писатели вслед за Платоновым показывают, как искушения личного обогащения и насильственного переустройства мира побеждаются самопожертвованием и любовью к ближнему, исследуют национальное утопическое сознание и верят в возможность духовного возрождения и отдельного человека, и всей страны. Платоновские мотивы продуктивно влияют на поэтику рассматриваемых произведений и расширяют их семантику.

Ключевые слова: литературная традиция, современная русская проза, творчество А.П. Платонова, мотив сиротства, открытый финал

Введение. Русская проза последнего десятилетия, вышедшая из вынужденной конкурентной борьбы с постмодернизмом и засильем массовой коммерческой прозы обновленной, вернувшей себе право на внимание серьезного читателя и критика, находится в состоянии продуктивного поиска собственного художественного языка и философской семантики, востребованной обществом. Современные писатели стремятся переосмыслить достижения модернистской и реалистической прозы XX в., вступая в сложный этико-эстетический диалог с литературными традициями прошедшего столетия. Так, наблюдается возрождение исторического повествования (романы Л.А. Юзефовича («Журавли и карлики», «Зимняя дорога»), Захара Прилепина («Обитель»), Е.Г. Водолазкина («Соловьев и Ларионов», «Лавр»)), женская проза в лучших своих образцах работает над развитием семейно-биографического и семейно-бытового романа, духовно-религиозная проза стараниями О. Николаевой и М. Кучерской ищет новые жанрово-стилистические формы, соответствующие современной эпохе.

Безусловный интерес к культурному диалогу с русскими писателями XX в. становится одним из векторов развития современной прозы. В центре нашей статьи — рецепция современной прозой творческой традиции одного из самых самобытных отечественных писателей прошлого столетия А.П. Платонова, обладающего как уникальной стилистической манерой (так называемое «платоновское косноязычие»), так и специфическим мировидением, в котором преломились

и философия «Общего дела» Н.Ф. Федорова, и ряд социалистических идей, и христианские идеалы, и народное утопическое сознание. В современном восприятии Платонов оказался тем «непризнанным гением» советской эпохи, талант которого парадоксальным образом не оспаривают люди самого широкого спектра идеологических убеждений и эстетических предпочтений. Для таких разных авторов второй половины XX в., как И.А. Бродский и В.Г. Распутин, Платонов воплощал особенности национального мышления, восприятия мира и человека. Платонов, с трудом переводимый даже на славянские языки, тем не менее становится в XXI в. одним из символов русской прозы с ее поисками смысла существования и склонностью к метафоризму и символизму, к повышенной семантической наполненности текста.

Для современной литературы платоновские традиции значимы в первую очередь на семантическом, сюжетно-композиционном и образном уровнях, поскольку стилистические находки Платонова большей частью невоспроизводимы в силу неповторимости платоновского творческого почерка. Но узнаваемые устойчивые платоновские мотивы сиротства и поисков его преодоления, духовного братства, мастерства и преобразования «вещества существования» как в социально-бытовом, так и в метафизическом планах оказываются актуальными для современной русской прозы, в определенной степени представляя собой квинтэссенцию краеугольных национальных онтологических и общественных проблем, стоящих перед национальным сознанием.

Предметом рассмотрения в статье стали два новых романа популярных отечественных прозаиков: «Мысленный волк» (2014) А.Н. Варламова и «Ненастье» (2015) А.В. Иванова, из которых первый описывает события начала XX в., предвоенную и предреволюционную Россию, а второй — эпоху «лихих девяностых». Романы объединяет общее впечатление крушения «старого мира» и трагически осознаваемая обществом нужда в новых философских и социальных основаниях бытия, а также мифологизация художественного пространства: у Варламова ряд исторических персонажей, в числе которых писатели М.М. Пришвин, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, А.С. Грин, знаменитый Григорий Распутин выведены под вымышленными именами; у Иванова действие происходит в несуществующем городе Батуеве, в котором узнается Екатеринбург. Оба писателя с разной долей убедительности относились критикой к «неопочвенническому» направлению (новой «деревенской прозе») в современной русской литературе [1; 7]. Нам же важно подчеркнуть, что при всем тематическом, семантическом и стилистическом несходстве эти литературные новинки очевидным образом обращаются к творческому наследию А.П. Платонова, развивая и модифицируя ряд значимых платоновских концептов.

Концепция «преодоления сиротства» в романе А.Н. Варламова «Мысленный волк». Для А.Н. Варламова интерес к творчеству А.П. Платонова носит закономерный характер — платоновские мотивы значимы для варламовских романов конца 1990-х гг. «Затонувший ковчег» (1997) и «Купол» (1999), уже в новом веке писатель стал автором художественной биографии Платонова в рамках проекта «Жизнь замечательных людей» (2011). (Материалы других художественных биографий, написанных Варламовым для серии «ЖЗЛ» — о Григории Распутине и о Михаи-

ле Пришвине — также используются в романе.) Но в «Мысленном волке» платоновская линия связывается как раз не с «историческим» пластом романа, но с главными героями: механиком Василием Комиссаровым и его дочерью, подростком Улей, которая может быть рассмотрена в ряду классических «платоновских сирот», ищущих высшего смысла и подлинного родства.

Варламовская Уля близка типу платоновской сироты по нескольким ключевым показателям: ее в младенчестве бросает мать, уходя замаливать некий мистический грех, давший девочке возможность ходить и даже косвенно наделившей ее тягой к полету, к ветру, к свободе (схожей тягой обладает и платоновская Москва Честнова из романа «Счастливая Москва», которая «любит ветер в воздухе и еще разное кое-что» [9. С. 14]):

Больше всего на свете Уля любила ночное небо и сильный в нем ветер. В ветреном она во сне бежала, легко отталкиваясь ногами от травы, без устали и не сбивая дыхания... что-то происходило с тонким девичьим телом, отчего оно отрывалось от земли, и Уля физически этот полубег-полулет ощущала и переход к нему кожей запоминала, когда из яви в сон не проваливалась, но разгонялась, взмывала, и воздух несколько мгновений держал ее, как вода [2. С. 7].

Этот «полубег-полулет» метафорически синонимичен духовным поискам платоновских героев, отправляющихся в странствие по миру с целью обретения родства и преодоления сиротства. Подобно платоновским сиротам, Уля на протяжении всего повествования будет искать истинную семью взамен утерянной матери и женившегося, а потом и ушедшего на войну и забросившего семью отца (сюжет, близкий истории Патули Антипова-Стрельникова из романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»). Общеподростковое стремление бежать из дому («ей нравилась идея — убежать, уплыть, исчезнуть» [2. С. 88]) в случае Ули оборачивается и реальной попыткой побега — сплава по реке, и общением с Распутиным и его дочерьми, и уже девичьими мечтами о поездке в Индию с революционером, аферистом и «шутком» Савелием Крудом, и жадной облегчить тюремную долю писателя Легкобытова, закончившуюся для Ули страшной бедой. Все эти сюжетные перипетии по-платоновски символизируют собой муки души, ищущей свое подлинное предназначение, свою истинную любовь в мире, рушащемся под натиском войны, революции и «мысленного волка», персонифицирующего в себе и западное вольнодумство, и дьявольское искушение, и самую смерть.

Настоящим «платоновским» «мастером» и мечущимся одиноким искателем Града Небесного является и отец Ули — механик Комиссаров. С одной стороны, вслед за платоновскими революционерами-преобразователями (Воголов, Вермо, отчасти даже Захар Павлович и Александр Дванов) он развивает идеи, называемые Н.Ф. Федоровым «природной регуляцией»:

Природа должна быть побеждена, потому что ее царство есть царство горя и несправедливости. Она должна быть полностью заменена техникой [2. С. 119].

Неслучайно при этом Комиссаров жертвует деньги настоящим революционерам — коренное преобразование вещества, по логике еще платоновских персонажей, должно касаться всех сфер жизни: и природно-биологической, и соци-

альной. С другой стороны, совершенно платоновской выглядит мечта Комиссарова после смерти стать зрителем гигантского механизма Вселенной, своего рода небесной веялки, когда он «будет следить за тем, чтобы не сломалось ничего в небесном устройстве, не кончилось бы масло, не заржавели бы цепи, не стерлись бы звенья, а вся его жизнь здесь есть только подготовка к этой будущей службе» [2. С. 167]. Его протест против всеобщей необустроенности ведет его прочь от семьи — такого рода идеологическое воздержание знакомо и персонажам Платонова. Думается, Варламов вполне сознательно заставляет Комиссарова в беседе с Легкобытовым воспроизвести один из ключевых постулатов «Философии Общего дела» Н.Ф. Федорова: «Уж лучше Федоров... Для достижения высших целей человеческому роду необходима энергия, а взять ее больше неоткуда, как если не перенаправить ту силу, что бессмысленно и совершенно неэффективно расходуется на половую любовь, на решение более важных задач» [2. С. 117]. Комиссаров уходит на войну, а затем — к большевикам, разочаровывается в жизни, поскольку названные варианты общественной деятельности оказываются безблагодатными, ложными, если рассуждать в философских категориях позднего Платонова, последовательно доказавшего, что служение людям без любви, жертвенность ради идеи, а не ради конкретного человека чреваты гибелью и личности, и общества (1).

Обратим внимание на тему самоумаления, свойственную платоновскому мировидению: в отказе от себя и «дьявольских искушений» герои обретают подлинное братство и любовь (как Сарториус в «Счастливой Москве», Чагатаев в «Джан», Алексей Иванов в «Возвращении»). Метафорическим парафразом тех платоновских финалов, в которых, преодолев все испытания, герой наконец находит подлинное родство, настоящую семью, представляется нам финал «Мысленного волка». Изнасилованная комендантом и солдатами крепости Уля покушается на самоубийство:

Уля качалась над бездной и ждала, когда налетит порыв, который подтолкнет ее и навсегда оторвет от кровавой, грязной земли... Она хотела уйти, не оставив своего имени и родства... Уля поглядела вниз и увидела громадного зверя, который смотрел на нее из глубины [2. С. 508].

Как и у платоновской Москвы Честновой, изначально заявленная в Уле жажда полета сопрягается с мотивом падения в бездну, от которой героиню спасает увиденный в небе сложившийся из «полунощных всполохов» крест. С опасного края крыши (и жизни) ее уводит «нищенка в грязно-розовой накидке» — ее мать, когда-то пожертвовавшая собой ради дочери, противопоставив тем самым революционному ужасу разрушения и самоуничтожения идею самопожертвования и безграничной материнской любви к заблудшему чаду. Предложенный вариант спасения мыслится Варламовым и своего рода ответом на все порывы и метания героев, и реализацией национального нравственного идеала, очень близкого художественным размышлениям А.П. Платонова о смысле существования и путях духовного становления отдельного человека и всей страны.

Социальная и метафизическая рецепция традиций А.П. Платонова в романе А.В. Иванова «Ненастье». Для творчества А.В. Иванова характерен многослойный

диалог с отечественной литературной традицией: переосмысление жанра исторического романа в «Сердце Пармы», развитие темы героя-«интеллекта» в образе Виктора Служкина в романе «Географ глобус пропил» (для романа значимы аллюзии на доктора Живаго с его идеей «жизни как жертвы» и одновременно Виктора Зилова из «Утиной охоты» [3]). Писатель обладает даром широкого литературного обобщения, и его собственные персонажи неуловимо трансформируют узнаваемые литературные и культурные типажи. В частности, персонажей романа «Ненастье» Иванов в одном из интервью характеризует очень примечательно:

Социальная страта, описанная в романе, — демос, плебс. То, что называется «простонародьем»... Я не склонен по-интеллигентски наделять их какой-то миссией, но в русской культуре не принято относиться к ним с презрением. Это они становятся солдатами на любой войне, и на них всегда ложится основная тяжесть реформ. К этой страте, например, принадлежат Григорий Мелехов и Аксинья. В 90-е Гришка был бы, скажем, ментом, а Аксинья — челночницей [6].

Уже этот авторский комментарий указывает на возможность сопоставления изображенного в «Ненастье» исторического периода с эпохой революционного переустройства мира, ставшей предметом описания для произведений и М.А. Шолохова, и А.П. Платонова.

С художественной системой А.П. Платонова роман Иванова роднит в первую очередь все та же тема преодоления сиротства и поисков нового «братства». Подобно платоновским героям, персонажи «Ненастья» — «афганцы» Неволин, Шамсутдинов, Виктор Басунов — сироты как в социальном (дети из «полных» или «неблагополучных» семей), так и в духовном плане. Распад Советского Союза как единого идеологического пространства показан в романе на примере войны в Афганистане, где герои впервые сталкиваются с тем, что «их обманули: война не настоящая. Значит, нужно думать не о победе, а о себе» [5. С. 293], т.е. сознательно отказываются от «общего дела» ради собственного выживания и выгоды. Символично, что радевший только о личном спасении Шамсутдинов заплатит за эгоизм годами афганского плена и указательными пальцами рук, пока, метафорически искупив вину, не будет буквально «усыновлен» индусской семьей, купившей его у джамаата.

В этой социокультурной ситуации, подробно прорисованной Ивановым, находит свое призвание Сергей Лихолетов — прапорщик, спасающий бойцов от душманов, а потом, на гражданке, придумавший «Коминтерн» — полукриминальный синдикат для бывших «афганцев», построенный на принципах социальной справедливости и «афганской идеи» — афганского братства. Как в долине Хинджа, так и в перестроечном Батуеве Лихолетов не просто претендует на роль командира, но и по-командирски готов брать на себя ответственность за принятые решения и за тех, кто слабее его духом: «Герой — это тот, кто прокладывает путь, поднимает народ с колен и ведет его за собой, жертвует собою ради всех. Кто творит историю» [5. С. 512]. «Он жаждал осчастливить тех, кто признал его командование...» [5. С. 513].

В фигуре Лихолетова ощутимы черты героя-преобразователя, родственного платоновскому Чагатаеву из восточной повести «Джан», ведущего свой народ по пустыне к новой жизни. Да, методы Лихолетова — откровенно силовые, «военно»-бандитские, и сам про себя он честно признает: «Работаю я за деньги. Но если меня посадят или убьют, то за идею» [5. С. 62]. Но в основе «Коминтерна» (семантика «коммунистического интернационала» вносит дополнительные смысловые оттенки в «афганское братство») — идея товарищества и верности, того, что «афганец» всегда помогает «афганцу» [5. С. 35]. «Коминтерн», устроенный по принципу коммуны с демократическими выборами командира, мыслится некой альтернативой бандитским шайкам и нарастающему капитализму, который в романе олицетворяет Щебетовский, планомерно устраняющий конкурентов в борьбе за активы «Коминтерна» (своего рода антитеза Чагатаева и Нур-Мухаммеда из платоновской повести «Джан»). Для Лихолетова «Коминтерн» — это прежде всего сообщество бывших товарищей по оружию, поддерживающее инвалидов, силой выбивающее у города жильё и т.д. И штаб «Юбилейный», и дома афганцев «на Сцепе» Лихолетов стремится организовать, несмотря на весь натуралистический антураж, как своего рода социальную утопию для своих «братьев» и их семей. Как верно скажет потом один из второстепенных персонажей, «для Сереги Афган был не подвигом, а поводом объединиться» [5. С. 515], а «Коминтерн» — «механизмом справедливости. Был сопротивлением» [5. С. 514]. В «лихих девяностых» Лихолетов строит свое «новое царство» — «одновременно общественную организацию, корпорацию из разных бизнесов и преступную группировку» [5. С. 514], которая сама по себе становится государством «братьев» во враждебном и несправедливом мире. Но, как и платоновские преобразователи, Лихолетов терпит крах — потому, что его утопическому братству герои предпочитают личное благо, постепенно предавая и идею, и своего командира. Сироты меняют «братство» на частное предпринимательство и службу Щебетовскому. Криминальный боевик 90-х оборачивается широкой метафорой эволюции национального сознания, претерпеваемой обществом в эпоху государственного и нравственного переустройства.

На образном уровне изломанное и нуждающееся в освобождении сознание героев передается символами, близкими платоновским концептам котлована, ямы как «могилы-утробы» и антитетичных им воды (моря), гор, леса как стихии свободы и самореализации. Ряд локусов романа, наделенных семантикой укрытия, сам А.В. Иванов называет «экзистенциальными ловушками»:

История с самозахватом «афганцами» двух высоток — самая, на мой взгляд, потрясающая. Посреди города вдруг появляется некая гражданская крепость — иначе и не скажешь: опутанная колючей проволокой, охраняемая с лоджий парнями, которые готовы стрелять из автоматов и бросать бутылки с горючей смесью... Однако эти дома — тоже ловушка, «ненастье». В романе есть еще две такие же «физические» ловушки: в Афгане — глыбовый развал у перегороженного моста, в котором прячутся три русских солдата под командованием лихого прапора, оставшиеся в тылу у моджахедов, и дачная деревня Ненастье, где в пустом домике на украденных миллионах сидит Герман Неволин [6].

Все эти места — огороженные, неприступные, как тайник Германа в деревне Ненастье, кажутся спасительными, но на деле маркируют территорию несвободы, духовного плена героев, своего рода платоновской «могилы». Символично, что «высотки на Сцепе» и платоновский «котлован» связаны общим рядом значений «дома»-«башни»-«ложного убежища для ложного братства».

Соответственно, синие афганские горы, поражающие Германа своей красотой, Индия как страна его предполагаемого бегства с деньгами Щebetовского представляют собой зримую антитезу идее укрытия, экзистенциальным «пряткам». С темой Индии и Афганистана в романе сопрягается мотив путешествия-хождения, духовного возрастания, родственного метафизическим «поискам счастья» платоновских героев. Появившаяся еще в средневековье и тщательно разработанная русской литературой XX в. метафора Индии как земного рая, сбывшейся утопии, в романе «Ненастье» приобретает дополнительный оттенок страны истинного братства, которое уставший душой Герман отчаялся найти в городе Батуеве:

Здесь просто радуются жизни... В Индии живет очень много народу... Пойдешь всем наперекор, не будешь ни с кем считаться — тебя просто затопчут, и не со зла, а в общем движении. Поэтому здесь дружелюбие, внимание к другим. Здесь мир [5. С. 475—476].

Ключевые понятия, связанные с Индией, — радость, открытость, отсутствие насилия, необходимости защищаться и воевать действительно кажутся уделом «блаженных», и одновременно — показателем внутренней свободы, личностной состоятельности, которой ни Герман, ни его жена Таня в романе не обладают.

Комплекс духовного «сиротства», потребности в любви и саморазвитии относится к ним более, чем к другим героям романа. Не вдаваясь в подробный анализ семантики имен, отметим, что Герман Неволин по прозвищу Немец — человек, чья чуждость, одиночество и порабощение заявлены буквально — на уровне номинации. Безусловно, Ивановым актуализируются еще и отсылки к пушкинскому Германну с его идеей мгновенного обогащения и схватки с судьбой — роман начинается с того, что Герман Неволин, стремясь одновременно вырваться из собственного замкнутого и подчиненного состояния и отомстить Щebetовскому за убийство Лихолетова и фактическую ликвидацию «Коминтерна», грабит инкассаторский автомобиль с кассой Щebetовского. На протяжении всего романа признавая Лихолетова своим «командиром», Герман одержим и собственной миссионерской идеей «вывести Таню из Ненастья». Здесь мы снова можем отметить обращение к характерной для творчества Платонова антитезе между «спасением общества» и служением конкретному человеку. И если первое и в платоновских произведениях, и в «Ненастье» оказывается невыполнимым, то как раз второе может представлять подлинный смысл существования.

Бывшая любовница Лихолетова, после неудачного аборта ставшая «вечной невестой», Таня вызывает определенные ассоциации с «Каспийской невестой» из раннего рассказа Платонова — сложного символического образа, в котором «уже отмечали олицетворение женской красоты и «народно-сказочную вариацию вечно-женственной Души мира... Каспийская невеста с ее солнечной энергией напоминает не только Новый Иерусалим, но и небесное знамение Жены, обле-

ченной в солнце (Откровение 12:1)...» [4. С. 183]. Невозможность родить ребенка воспринимается тихой и безропотной героиней совсем в библейских тонах — как вечное унижение или же, как в платоновском художественном мировидении, — как нравственный тупик, как неспособность, став матерью, избыть дурную женскую сущность (с образом Тани связаны темы поруганной чистоты и преданной верности). А.В. Иванов указывает и на конкретные евангельские корни этой героини: «Символом евангельского присутствия в романе выступает кроткая Танюша. Ее обзывают овцой, но она — агнец, жертва 90-х» [6]. Вообще вопрос о нравственных ценностях и вере в Бога в романе А.В. Иванов разрешает достаточно парадоксально:

«...наличие добра и доказывает существование Бога. Спасение возможно и вне религиозное, если оно строится на христианской этике. Не напрасно же сказано: всякая душа по своей природе христианка» [6].

Типологически высказывание Иванова соотносимо со знаменитой дневниковой записью Платонова: «Бог есть и бога нету: Он рассеялся в людях, потому что он бог и исчез в них...» [8. С. 257], в которой бытие Божие постулируется фактом человеческого добра, своего рода необходимостью «обоженья» человека в безрелигиозном мире русского XX в.

Но, с нашей точки зрения, для понимания нравственно-философской идеи романа гораздо более существенно то, что в финале и Герман, и Таня поднимаются над собственными страхами, духовно взрослеют и открывают для себя подлинный смысл бытия. Кроткая Таня отчаянно бросается защищать Германа, осознав всю полноту своего чувства к нему:

«Она была бесконечно счастлива. Герочка жив... Есть, ради чего жить, есть смысл и цель. Ну и пусть его посадят в тюрьму, она будет его ждать..., она будет жить ради него и обязательно дождетя его, и прижмется к нему, и попросит у него прощения...» [5. С. 637].

Раненый Герман, удостоверившись, что ему все-таки удалось вывести любимую из Ненастья, духовно «освободить» ее, испытывает от этой мысли «блаженное тепло». Необходимо также отметить, что Герман не преступает «афганскую идею» — он не убивает братьев-«афганцев» ни из благородной мести, ни даже ради спасения собственной жизни, чем доказывает непреложность лихолетовских (и, в конечном счете, общечеловеческих христианских) идеалов. Тем самым у Иванова в финале торжествует любовь, самопожертвование и даже очищение через страдание. Этот очень закономерный для традиции русской литературы XX в. открытый финал может быть интерпретирован во вполне платоновских терминах преодоления сиротства и обретения «мужества непрерывного счастья» [9. С. 110] служения близкому человеку, победы над несвободой эгоизма, внутреннего «ненастья» — собственных комплексов и «экзистенциальных ловушек». В специальных комментариях не нуждается тот факт, что последним словом романа становится слово «воскресение» — и сложная кольцевая структура текста, художественно близкая спиралевидной композиции платоновского «Чевенгура» и шолоховского «Тихого Дона», символически размыкается — подразумеваемой «новой жизнью».

Закключение. Многозначная платоновская онтология долга и жертвенности, духовного роста и поисков истинного смысла бытия в разрушаемой социальными катаклизмами действительности оказывается поразительно востребованной и актуальной для современной русской прозы. Платоновские метафоры и символы сиротства, духовного пути-путешествия, полета и падения, могилы-укрытия, воскресения-нравственного возрождения находят свое новое воплощение в художественном мире таких разных современных романов, как «Мысленный волк» и «Ненастье». Платоновское творческое наследие не просто отрефлектировано современными писателями, самым непосредственным образом вступающими в многосторонний этико-эстетический диалог с платоновской прозой и развивающими ее ключевые мотивы. Платоновские идеи и образы представляются нам своего рода «кодом прочтения» этих романов, помогающим за злободневным социально-историческим содержанием, за разностью убеждений и стратегий письма названных авторов проследить определенные типологические схождения и — самое главное! — увидеть общность философских идеалов и нравственных императивов, необходимых, по мнению авторов, современному обществу для дальнейшего развития. В мировоззренческом отношении обращение к творчеству А.П. Платонова подразумевает, вероятно, некую и писательскую, и общественную ностальгию по советским идеалам. Традиции А.П. Платонова, актуализированные в романах Варламова и Иванова, расширяют семантические горизонты рассматриваемых текстов, подчеркивают их тесные мотивно-символические и смысловые преемственные связи с литературой XX века, доказывают непрерывность эволюции отечественного литературного процесса.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) См. платоновские произведения «Счастливая Москва», «Джан», сборник «Река Потудань» и др.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Басинский П.В.* Проза современного русского реализма // Литература. 1996. № 6. С. 5–15.
[2] *Варламов А.Н.* Мысленный волк. М.: АСТ, 2015. 508 с.
[3] *Глембоцкая Я.О.* Плохой хороший человек: о Викторе Зилове и Викторе Служкине // Вестник Новосибирского государственного театрального института. 2012. Вып. 4 // Сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/plohoj-horoshij-chelovek-o-viktore-zilove-i-viktore-sluzhkine.html> (дата обращения 07.08.2015).
[4] *Гюнтер Ханс* По обе стороны утопии. Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
[5] *Иванов А.В.* Ненастье. М.: АСТ, 2015. 640 с.
[6] *Иванов Алексей* «Солдатское братство стало частным бизнесом» // Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/68039.html> (дата обращения 07.08.2015).
[7] *Иванова И.Н.* Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 1. С. 88–94.
[8] *Платонов А.П.* <Записи разных лет> // Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 257–278.
[9] *Платонов А.П.* Счастливая Москва. М.: Время, 2010. С. 9–110.

THE ARTISTIC HERITAGE OF A.P. PLATONOV AND SEMANTIC AND AESTHETIC SEARCHES IN CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE (A.N. VARLAMOV “THE SPIRITUAL WOLF”, A.V. IVANOV “FOUL WEATHER”)

Y.V. Soldatkina

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russia 119991

The article considers relevant for contemporary Russian literature subjects of aesthetic continuity and development of traditions of Russian prose of the Soviet period in the works of 2010s: the novels of A.N. Varlamov “The Spiritual Wolf” and A.V. Ivanov “Foul Weather” that scientifically analyzes for the first time. These texts are characterized by an appeal to the key motives and philosophical ideas expressed by A.P. Platonov — the problem of spiritual orphanage and attempts to overcome it, the need for social and moral transformation of a society experiencing a revolutionary upheaval. Common derivation: contemporary writers taking after Platonov show how the temptation to accumulate wealth and change the world through violence is overcome by self-sacrifice and love for one’s neighbor; they explore national utopian consciousness and believe in the possibility of spiritual rebirth of an individual as well as the whole country. Platonov’s motifs productively influence the poetics of these works and expand their semantics.

Key words: literary tradition, contemporary Russian prose, the works of A.P. Platonov, orphanage theme, open ended finale

REFERENCES

- [1] Basinskij P.V. Proza sovremennogo russkogo realizma [Contemporary Russian realism prose] // *Literatura* [Literature]. 1996. № 6, p. 5–15.
- [2] Varlamov A.N. Myslennyj volk. [Spiritual Wolf]. M.: AST [AST], 2015. 508 p.
- [3] Glembockaja Ja.O. Plohoj horoshij chelovek: o Viktore Zilove i Viktore Sluzhkine [Good bad man: about Viktor Zilov and Viktor Sluzhkin] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo teatral'nogo instituta* [Bulletin of the Novosibirsk state theatre Institute]. Novosibirsk, 2012. Vypusk 4. Available at: <http://ivanproduction.ru/literaturovedenie/plohoj-xoroshij-chelovek-o-viktore-zilove-i-viktore-sluzhkine.html> (accessed 07.08.2015).
- [4] Gjunter Hans. *Po obe storony utopii. Konteksty tvorcestva A. Platonova* [On either side of utopia. Contexts of creativity of A.P. Platonov]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New literature revue], 2012. 216 p.
- [5] Ivanov A.V. Nenast'e [Foul Weather]. M.: AST [AST], 2015. 640 p.
- [6] Ivanov Aleksej «Soldatskoe bratstvo stalo chastnym biznesom» [The soldier’s brotherhood became a private business] // *Novaja gazeta* [New newspaper]. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/arts/68039.html> (accessed 07.08.2015).
- [7] Ivanova I.N. Derevenskaja proza v sovremennoj otechestvennoj literature: konec mifa ili perezagruzka? [Village prose in contemporary Russian literature: the end of the myth or reboot] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. The theory and practice], 2013. № 6, part. 1, p. 88–94.
- [8] Platonov A.P. <Zapisi raznyh let> [Records from different years] // Platonov A.P. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii [Notebook. Materials for the biography]. M.: Nasledie [Heritage], 2000, p. 257–278.
- [9] Platonov A.P. Schastlivaja Moskva [The Happy Moscow] // Platonov A.P. Schastlivaja Moskva: Roman, povest', rasskazy (Sobranie) [The Happy Moscow: novels and stories]. M.: Vremja [Time], 2010, p. 9–110.